

*Детективы
о женщине-стихии*

Собирайте книги Ирины Градовой — истории женщин, которые научились побеждать:

Сколько стоит твоя смерть
Жена государственной важности
Инстинкт хищницы
Слишком легко, чтобы умереть
Рай для неудачниц
Соло на раскаленной сцене
Танцующая в волнах
Хоровод обреченных
Химия преступной страсти
Хроники ревнивого сердца
Самый сильный пол
Отказано выжить
Назови зло по имени
Ее кровная месть
Актриса на роль подозреваемой
Предложение, от которого не отказываются

Ирина **ГРАДОВА**

**Предложение,
от которого
не отказываются...**

**Москва
2018**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Разработка серийного оформления *Н. Никоновой*

Градова, Ирина.

Г75 Предложение, от которого не отказываются... :
[роман] / Ирина Градова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-093867-4

Владимир Князев по прозвищу Мономах был как кость в горле для некоторых коллег и для начальства. Но поскольку он был отличным медиком и очень хорошим человеком, убрать Мономаха из больницы было невозможно даже главному врачу. Когда в его отделении один за другим умерли два пациента — пожилая женщина Суворова и известный адвокат Гальперин, — началось расследование. Мономах не мог оставаться в стороне и тоже предпринял некоторые шаги для выяснения причин смерти — и неожиданно для себя понял, что обоим пациентам «помогли» отправиться на тот свет. Чего же добивается «ангел смерти» и на чьей стороне он выступает?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093867-4

© Градова И., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ПРОЛОГ

Вода в бассейне вдруг стала слишком холодной. Неприятное ощущение. И свет режет глаза, хотя он и приглушил его, прежде чем приступить к водным процедурам. Грудь сдавил спазм. Этого не должно было случиться, ведь всего полчаса назад он принял лекарства, а они никогда его не подводили! И все же медицинское образование подсказывало, что пора «на берег». Завтра нужно позвонить врачу и сказать, что... что... черт, о чем это он? Мысли путались, и он попытался глубоко вдохнуть. Не вышло: грудная клетка будто свинцом налилась. Нет, скорее в нее словно напихали ваты... Он судорожно заработал руками, чувствуя, как левая сторона, начиная со ступней, немеет. Надо успеть доплыть до бортика...

Скрипнула, отворяясь, дверь. Слава богу, кому-то вздумалось спуститься в бассейн, и он получит помощь! Бортик находился всего в полуметре от пальцев, но как же трудно дотянуться... Голова отяжелела, и он тщетно пытался поднять ее, чтобы посмотреть вверх. В дрожащей воде, ставшей практически ледяной, отразились лица. Два лица. Почему они не двигаются, неужели не видят, что с ним беда? Он хотел закричать, но голос отказывался повиноваться. Тело внезапно стало неповоротливым, будто бы чужим, и лишь глаза и мозг, хотя и затуманенные болью, продолжали функционировать.

Ему удалось уцепиться кончиками пальцев за гладкий кафель, и он попытался вдохнуть. Вроде получилось... И тут что-то надавило на его макушку и толкнуло вниз. Он не успел закрыть рот и хлебнул изрядную порцию хлорированной воды. Как же она отвратительна на вкус! Его руки поднялись над водой, хватаясь за воздух. Что происходит?! Он уже почти поднялся к поверхности, когда чья-то сильная рука вновь погрузила его в бассейн, не позволив набрать в легкие воздуха. Вместо этого туда потоком хлынула вода, выдавливая остатки кислорода, причиняя адскую боль, разрывая тело на тысячу частей.

Последним, что он увидел, были круглые светящиеся пятна на поверхности воды. Они становились все больше, растекаясь, разрастаясь, как ярчайшая вспышка от взрыва мегатонной бомбы...

* * *

Из смотровой выпорхнула стайка практикантов, большинство которых составляли особы женского пола. Длинноногие, гладкокожие, они сияли, глядя на возглавлявшего процессию мужчину в белом халате. Алина сглотнула предательски застрявший в горле комок — не на одну нее Севан Мейроян производил сильное впечатление. Девчонки выпендривались друг перед другом, и становилось ясно, что двум прыщавым паренькам, как будто случайно затесавшимся в этот цветник, ничего не светит: девичьи взоры были устремлены в сторону красавчика-доктора. Он улыбался в усы, купаясь в лучах восхищения «адептов», как с легкой руки зава отделением называли практикантов Севана, словно это какая-то секта огнепоклонников. Вернее, поклонников Севана Мейрояна. Если бы даже он выглядел как Вельзевул, и тогда бы табуны женщин ходили за ним, будто загипнотизированные — он считался одним из лучших хирургов среди «молодого поколения». Но, к несчастью, Севан был красив, как восточное божество, и каждый раз, глядя на него, Алина ощущала, как душа уходит в пятки, словно она на бешеной скорости летит вниз с «американских горок». У нее и мысли не возникало, что доктор Мейроян почтит ее своим вниманием, ведь она ему не ровня. Его дед — академик Манас Мейроян, мировая знаменитость. Отец — профессор Баграт

Мейроян, ректор Первого медицинского университета, блестящий нейрохирург. Не менее блестящее будущее ожидает и Севана. А кто она такая? Алина Руденко, двадцати трех лет, мать-одиночка, живущая в коммунальной квартире и подрабатывающая уходом за лежачими больными.

Севан поднял голову и посмотрел прямо на нее. Странно, он никогда не замечал Алину. Не заметил бы, даже если бы она стояла голая под водопадом в лучах заходящего солнца и пела гимн России. Его губы дрогнули в улыбке, и Алина оглянулась: наверняка за ее спиной стоял кто-то, заслуживающий его внимания. Надо же, никого! Остолбнев, Алина тарасилась на Мейрояна, аккуратно отодвинувшего девчонок, чтобы расчистить себе путь к стойке постовой медсестры, возле которой она стояла.

— Алина, на два слова, — обратился он к ней, приблизившись на расстояние вытянутой руки. На нее пахло дорогим парфюмом. Едва заметный, тонкий аромат, отличающийся от тех, каким обычно пахнут знакомые ей мужчины. Оказывается, он помнит ее имя!

— Меня?! — в панике пробормотала Алина.

Взяв за локоть, Севан отвел ее в сторонку, в то время как взгляды практиканток ревниво сканировали обоих. Склонившись к самому ее уху, отчего у Алины перехватило дыхание, он сказал:

— Ты же занимаешься этим адвокатом, Гальпериным, верно?

Она молча кивнула, глядя на него снизу вверх. Его темно-карие, как спелая черешня, глаза, осененные длинными ресницами, такими черными и густыми, что казались подведенными тушью, смотрели прямо на нее. Никогда раньше он не подходил столь близко. Почему ноги будто ватные? Что ему от нее нужно?

Кого-то убить, что-то украсть или шпионить в пользу иностранного государства? Она согласна, согласна!

— Не присмотришь за бабулей?

— За... бабулей? — пробормотала Алина.

— У нее ушиб позвоночника. Понимаешь, моя не в меру активная бабушка решила повесить новые шторы — ну не терпелось ей этим заняться, и она не стала дожидаться домашних... Она в седьмой палате лежит. Ничего опасного, но возраст, сама понимаешь!

— Что требуется от меня? — спросила Алина, надеясь, что ее голос не слишком выдает волнение.

— Не хочу, чтобы возле нее были Татьяна или Гульнара. Особенно Татьяна — хабалка она злобная, а бабуля мне дорога. Лучше, чтобы ты за ней приглядела. Не бесплатно, разумеется!

— Что вы, Севан Багратович, разве я могу взять у вас деньги?!

— Конечно, можешь! Всякий труд требует достойной оплаты, и я заплачу столько же, сколько платит Гальперин, идет?

— Но я...

— Ты занята?

— Нет, но...

— Значит, договорились, — снова улыбнулся он. — Я скажу бабуле. Ее зовут Нубар Зебетовна. Лучше запиши — бабуля не любит, когда коверкают ее имя.

С этими словами он развернулся и зашагал обратно к «цветнику», который при этом заволновался и зашелестел, словно от дуновения ветерка: «бог» возвращался к народу, и народ приветствовал его.

— Варезку закрой!

При звуке насмешливого голоса Алина обернулась. Перед ней стояла Татьяна Лагутина — та самая, которую Мейроян не хотел видеть рядом со своей бабушкой. Длинная, под метр восемьдесят, длинноногая

и тонкая, словно ручка от швабры, девица не отличалась привлекательностью, однако была о собственной персоне высокого мнения, полагая себя королевой красоты. Что примечательно, ее самоуверенность передавалась окружающим, поэтому у Татьяны были полчища поклонников, ни один из которых, впрочем, не соответствовал ее запросам.

— Думаешь, ты нужна ему? — продолжала Лагутина, глядя на Алину сверху вниз, как на жука или червячка, внезапно выползшего из яблока. — Забудь! Эти мусульмане женятся только на своих!

— Он армянин... — попробовала слабо возразить Алина. Не против того, что Мейроян не воспринимает ее как женщину, а лишь против неоспоримого факта, имеющего отношение к его происхождению.

— Ну я и говорю — мусульмане, они народ своеобразный!

— Но армяне не...

— А ты чего здесь? — не дослушав, поинтересовалась Татьяна. — Не твоя же смена... А-а, «капусту» рубишь? Слушай, как ты с Гальпериным справляешься?

— Он — пациент, — пожал плечами Алина.

— Он — мозгоед! — возразила Лагутина. — Да я бы ни за какие деньги не согласилась за ним ухаживать. Два шага до могилы, а ведет себя, словно всех собирается пережить!

Бросив эту презрительную фразу, Татьяна удалилась, покачивая костлявыми бедрами, очевидно, воображая себя парусником с полотен Айвазовского. «Хорошо, когда есть выбор!» — тоскливо подумала Алина и направилась в санитарную комнату за чистыми «утками».

Полтора года назад она и сама воротила бы нос от того, чем вынуждена заниматься. На зарплату медсестры в госучреждении не проживешь, а теперь зарпла-

та стала единственным источником ее дохода. День, когда произошла катастрофа, запечатлелся перед ее мысленным взором подобно живой картине, то и дело всплывающей в памяти. Вернувшись домой после ночной смены, Алина осторожно прикрыла дверь, чтобы не разбудить мужа и сына. Георгий сидел за кухонным столом с ноутбуком. В этом не было ничего удивительного, ведь он частенько просиживал за работой ночь, а потом отсыпался до вечера. Удивительным было выражение его лица, когда Гоша поднял голову и посмотрел на Алину — как будто у него внезапно разболелся зуб.

— Я ждал тебя, — чужим, холодным голосом проговорил он, захлопывая крышку компьютера. — Надо поговорить.

— О чем? — поинтересовалась Алина, устремляясь к кофеварке. Она любила утренние часы, когда можно посидеть за чашечкой кофе, глядя на улицу. На то, как она постепенно просыпается и оживает. Дворники, ранние пташки, катят мусорные контейнеры по гулкому асфальтовому покрытию. Люди выползают из подъездов, спеша на работу или учебу, а дети в веселом возбуждении выскакивают на детскую площадку, заполняя песочницы и карусели. Перспектива встретить утро вместе с мужем выглядела привлекательной. В последние несколько месяцев семейная жизнь не ладилась. Алина гнала от себя дурные мысли, надеясь, что все наладится и будет как раньше. Раньше — это когда Гоша не зарабатывал больших денег, и они радовались каждой малости. В их новой квартире не осталось почти ничего от прошлой жизни, разве что пара фотографий и ковер, который стараниями Алины перевезли и расстелили в комнате Русика, несмотря на ворчание Георгия о том, что ковры нынче не в моде. Новую мебель муж заказывал по каталогу. Ждали ее несколько

месяцев, но он уверял, что «оно того стоит». Сама же Алина не могла понять, почему нельзя купить обычный диван тысяч за двадцать, ведь ничто не вечно и рано или поздно подлежит замене. А эти дорожные модульные диваны, кресла и пуфики, обтянутые шелком, требуют особого ухода, к ним даже приближаться с обычным пылесосом страшно. Не говоря уже о мебели из натурального дерева — один стол в гостиной, за который можно усадить человек двенадцать, чего стоил!

С тех пор, как пошел в гору, Георгий буквально пропадал в конторе. Занимаясь разработкой компьютерных игр, он мог большую часть времени проводить дома, ведь и там есть компьютер! Однако муж предпочитал офис. Алина ни разу там не была, однако Георгий рассказывал, что полгода назад снял новое помещение с видом на Фонтанку, где он и его партнер Виталик были полновластными хозяевами. Когда Алина заикнулась, что хотела бы увидеть это «чудо» своими глазами, Гоша замаял разговор. Алина с тоской вспоминала былые деньки, когда они могли часами болтать о всякой всячине, делиться новостями и беззаботно гулять в парке. У них становилось все меньше общего. После рождения Русика, привнесшего столько счастья и радости в ее жизнь, Георгий начал стремительно меняться. Сын его интересовал мало. Гораздо больше раздражал его плач, хотя малыш отличался спокойным нравом и доставлял минимум хлопот. Иногда Алина слышала произносимые сквозь зубы упреки, что с появлением ребенка она стала уделять мало времени семье. Семье — то есть мужу. Георгий не раз предлагал уйти из больницы, но Алина ненавидела просить у него деньги на хозяйство. Они оплачивали дорогую квартиру, и Георгий снимал офис в центре, который съедал целое состояние, однако свободных денег в семье не водилось. Он твердил, что

они нужны на развитие бизнеса, ведь любое серьезное дело требует вложений. Алине и в голову не приходило его упрекать, поэтому она выскочила на работу через полгода после рождения Русика. Ей удалось договориться с пожилой соседкой, чтобы та приглядывала за сынишкой в ее отсутствие за умеренную плату, и быт более или менее наладился. Георгий периодически бубнил, что жене надо проводить больше времени с ребенком. Странная забота, учитывая, что сам он появлялся дома редко и общество своего ноутбука предпочитал обществу подрастающего сына... И вот теперь он хочет поговорить.

— Хорошо, — сказала она, усаживаясь напротив мужа. — О чем разговор?

— О нас, — ответил он, не отвечая на ее улыбку. — О наших отношениях.

— Знаешь, я и сама хотела...

— Можешь ты хоть раз выслушать меня молча?! — неожиданно взорвался он. — Создается впечатление, что, кроме тебя, в доме больше никого нет!

Обвинение было столь несправедливым, что Алина отшатнулась. Это ведь вокруг Георгия крутилось их семейное бытие. Все подчинялось его желаниям, его настроению, его расписанию. Она подстраивалась во избежание ссор, а он обвиняет ее в эгоизме!

— Хорошо, — проглотив обиду, согласилась она. — Говори!

— О, спасибо за разрешение, госпожа! — с едким сарказмом бросил он.

— Почему ты так со мной разговариваешь? — недоуменно спросила она.

Георгий шумно выдохнул, словно пытаясь восстановить душевное равновесие, и сухо произнес:

— Нам нужно расстаться.

Фраза, сказанная деловым тоном, оглушила Алину.

— Ч-что? — переспросила она.

— Я о разводе, — пояснил Георгий. Он произносил слова медленно, как будто она была недоразвитой или плохо понимала по-русски.

— Почему?!

— Потому что наша семейная жизнь никуда не годится. Мы почти не видимся...

— Но я делаю все, что могу! — перебила Алина. — Сократила количество ночных смен, работаю на полставки!

— Это уже неважно, — поморщился муж, глядя мимо нее, на фотографию на стене. Алине не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, что изображено на снимке — их семья из трех человек. Недавно еще счастливая.

— Я все решил, — продолжил Георгий, переводя взгляд на жену. — Давай обойдемся без скандала?

— У тебя кто-то есть? — онемевшими губами прошептала Алина фразу, которая давно крутилась на языке. Женщина не может не замечать изменений, происходящих в ее мужчине, или она должна быть абсолютно бесчувственной. Но женщина может притворяться, лгать даже самой себе, что все хорошо, в надежде, что что-то изменится. Чем Алина и занималась последние полгода.

— При чем тут это? — раздраженно ответил на ее вопрос муж. — Хотя... да, если хочешь откровенно: у меня есть другая женщина! Но это не главное. Главное то, что я больше не хочу жить с тобой, понимаешь? Мне надоело делать вид, что мы образцовая семья, надоело оправдываться за задержки на работе, за то, что не провожу время с Русланом и с тобой... Наконец, надоело, приходя домой, видеть твое лицо!

Против этого сказать было нечего. Последующие недели прошли, словно во сне. Георгий ушел, и Алина

понятия не имела, где он, хоть и догадывалась. Скорее всего, живет у той, другой женщины, чье лицо не вызывает у него раздражения. Алина не пыталась бороться. Если любовь ушла, разве можно ее воскресить? Только она не ожидала, что Георгий так сильно изменится: ну хорошо, любви больше нет, но они ведь прожили вместе пять лет! Создавалось впечатление, что муж вдруг возненавидел ее, хотя она не сделала ему ничего плохого. Если бы Алина была поопытнее, то, возможно, пришла бы к выводу, что свинским отношением Георгий маскирует собственную вину. Однако Алина во всем обвиняла себя. Она распустилась, перестав наряжаться, забросила мужа, уделяя все свободное время Русику... Хотя за последнее, честно говоря, ей не стыдно. Постепенно она приходила к выводу, что идеализировала и их с Георгием отношения, и его самого. Георгий вовсе не являлся принцем на белом коне, вызволившим ее из провинции и привезшим в Санкт-Петербург. Алина прекрасно чувствовала себя в Пскове, древнем, красивом городе, где родилась и прожила большую часть жизни. Она рано лишилась матери, а отца и вовсе не знала, поэтому вырастила ее бабушка, Антонина Сергеевна Малышкина. Всю жизнь бабушка проработала поваром в школьной столовой. У нее внучка научилась готовить и печь вкуснейшие пироги и плюшки. Им принадлежал земельный участок под Псковом, где бабушка с внучкой выращивали овощи и зелень. Алина не очень любила сельское хозяйство и в будущем видела себя учителем или инженером, а никак не агрономом. Когда бабушка заболела, она пересмотрела приоритеты и решила, что медицина — гораздо более полезное занятие, нежели преподавание или экономика. Алина ходила за Антониной Сергеевной, как за маленьким ребенком, меняя подгузники, протирая губкой во избежание пролежней и строго следя за приемом лекарств.